

Елена Леонова, Андрей Хвалько:

«ЕСЛИ БЫ НЕ ДЕТИ, НАМ БЫЛО БЫ РЕАЛЬНО СКУЧНО ЖИТЬ»

ФОТО из личного архива Елены Леоновой и Андрея Хвалько

А в России они впервые выступили в 2005 году в шоу «Восхождение» Ильи Авербуха. Потом приняли участие в олимпийском туре 2006 года после Олимпиады в Турине. То, что они вытворяют сегодня на льду, — головокружительные подкрутки, выбросы, вращения — зрелище не для слабонервных. А начиналось все много лет назад в Москве и Самаре, где каждый из них делал свои первые шаги на льду.

Елена: Я начинала кататься в пять лет в платной московской школе недалеко от дома. На этом же катке начинала кататься и Рита Дробязко. У меня как-то сразу стало получаться, и меня взяли по набору в «Спартак», в группу Громова. В семь лет я уже хорошо прыгала все двойные прыжки, каскады. Затем Громов передал меня своей жене Жанне Громовой в «Динамо», и, кстати, там я познакомилась с Илей Авербухом и Ирой Лобачевой, которые катались в параллельной группе. Но тренировки проходили на маленьком катке балета на льду, там было просто не развернуться. Я покаталась две недели, и мне стало скучно. Тогда мама повела меня в ЦСКА, где меня сразу же приняли в наиболее сильную группу, и уже через две недели я выступала на соревнованиях. Сразу же начались серьезные тренировки, меня перевели в спортивную школу № 704 при ЦСКА.

Прошло совсем немного времени, и я выиграла чемпионат Москвы среди детей своего возраста. И нас, самых лучших девочек, забрали в группу парного катания Владимира Викторовича Захарова. Он тогда только начал работать самостоятельно, отдельно от Станислава Жука, и мы стали его первой экспериментальной группой. Мне было десять лет. Через год я с партнером Геней Красницким поехала на чемпионат мира среди юниоров и выиграла его. Годом ранее его выиграла Екатерина Гордеева с Сергеем Гриньковым. Так хорошо все шло до определенного момента.

В 1988 году мы заняли второе место на Матче сильнейших, и это была путевка на чемпионат Европы и Олимпийские игры в Калгари. Но ни на одно из этих соревнований нас не взяли. Это я уже сейчас понимаю, что к чему, а тогда невозможно было объяснить пятнадцатилетней девочке, почему где-то в кабинетах решили, что едешь не ты, а другие. Мы были

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ В ЗВЕЗДНОЙ КАРЬЕРЕ ЕЛЕНА ЛЕОНОВОЙ И АНДРЕЯ ХВАЛЬКО, ЧТО В ДАЛЕКОЙ АМЕРИКЕ ИХ УЗНАЛИ И ПОЛЮБИЛИ ГОРАЗДО РАНЬШЕ, ЧЕМ ДОМА, В РОССИИ. И КОГДА В 2006 ГОДУ ОНИ ПОЯВИЛИСЬ В ТЕЛЕПРОЕКТЕ «ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД», ЗРИТЕЛИ НЕДОУМЕВАЛИ: КТО ЭТО? А ОНИ НИ МНОГО НИ МАЛО ДВУКРАТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ МИРА СРЕДИ ПРОФЕССИОНАЛОВ, УЧАСТНИКИ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ АМЕРИКАНСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕДОВЫХ ШОУ, В ЧИСЛЕ КОТОРЫХ ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ШОУ БРАЙАНА БОЙТАНО В США И ART ON ICE В ШВЕЙЦАРИИ. И ЭТО ТОЛЬКО НЕБОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ИХ ЛЕДОВОЙ БИОГРАФИИ.

тогда в великолепной форме, и нам бы поджаться и заставить себя работать дальше, а мы как-то раскисли. И здесь не столько наша вина с партнером — мы были еще дети, — сколько недостаточное влияние со стороны тренера. Мы с партнером начали ругаться, нам сложно стало находиться вместе на льду. И тогда я сделала шаг, который, на мой взгляд, был правильным, — ушла к другому тренеру и начала кататься с другим партнером.

После этого я стала более уверенной в себе, поняла, что и сама смогу чего-то добиться, не обязательно для этого быть привязанной к одному тренеру, партнеру. Нужно самой быть личностью, и тогда все получится. Но со вторым партнером результаты были не такие высокие. И тогда Татьяна Анатольевна Тарасова предложила мне перейти к ней и вновь встать в пару с Красницким. Но время было сложное: чтобы готовиться к соревнованиям, нужны были деньги, и мы ушли из любительского спорта в театр Тарасовой.

Уже через полгода мы с Геней солировали в театре, и все было замечательно, а потом Гена ушел — подался в бизнес. Мне снова пришлось искать партнера. И тогда я пришла к Татьяне Анатольевне и сказала: либо вы находите мне партнера, либо я ухожу в другую компанию — мне предлагали тогда контракт в английском театре на льду. Тарасова позвонила мне в час ночи и сказала: «Приходи завтра на каток, я тебе кое-кого покажу». Я пришла в Лужники и увидела Андрея. И поняла, что у меня есть единственный вариант, и притом очень хороший. С тех пор мы вместе.

А Андрея на лед привела старшая сестра, которая увидела в одной из самарских газет объявление о наборе детей в группу фигурного катания.

Андрей: Сначала я не понимал, хочу кататься или не хочу. Но мне нравилось носиться по льду, выплескивать энергию. Незаметно втянулся, а когда начались соревнования, понравилось ездить в другие города. Моя первая поездка была в Тольятти, где я занял первое место. И с того момента у меня появился вкус к фигурному катанию.

В четырнадцать лет я уехал в Ташкент, в школу олимпийского резерва. Одним из ярких событий для меня в те годы стало выступление на чемпионате СССР. Это было мечтой, которая сбылась. В соревнованиях участвовали тогда Александр Фадеев, Владимир Котин, Виктор Петренко, который только перешел из юниоров во взрослые. А перед началом следующего сезона я серьезно травмировал колено и долго не катался. Восстановился только к середине сезона, когда уже шли соревнования. Я стал навер-

а потом уже шли все остальные. Пробыться тогда было очень тяжело. И когда стало уже очевидно, что в сборную попасть не получится, я решил уйти из большого спорта.

Е.: В те годы первые шесть советских пар могли спокойно выиграть все первые места на европейских стартах. Соревноваться с нашими спортсменами было практически невозможно. Если бы сейчас у нас было такое количество сильных фигуристов, как тогда, никто бы к нам подобраться не мог. А мы теперь с таким трудом боремся за третьи места...

В общем, в театр Тарасовой Леонова и Хвалько пришли отлично подготовленные и, главное, с большим желанием кататься. Сначала они играли второстепенные роли, но вскоре получили главные — в спектакле «Красавица и чудовище».

А.: Это была великолепная, грандиозная школа профессионализма: как подать себя на льду, как выйти на сцену, как уйти, как передать эмоции. Мы репетировали по восемь часов шесть дней

Я пришла в Лужники и увидела Андрея. И поняла, что у меня есть единственный вариант, и притом очень хороший

стывать упущенное, но было очень тяжело. Я уже не мог делать то, что раньше: пока я не катался, я сильно вырос — нагузок физических не было, и все сразу пошло в рост. Из-за этого совершенно разладились отношения с тренером и настал критический момент: нужно было выбирать, продолжать заниматься фигурным катанием либо возвращаться домой. Я вернулся в Самару. А через какое-то время позвонил Валерий Николаевич Тюков, который предложил мне вернуться в Ташкент, но уже в парное катание. В его группе катались пары, четыре из которых входили в сборную Советского Союза, а остальные четыре были на подходе. Поэтому я шел сразу в элитную группу, и у меня был шанс попасть в сборную.

Е.: Надо заметить, что во времена Союза уровень ташкентской школы был чрезвычайно высок: она шла наравне с одесской и свердловской школами сразу вслед за сильнейшими — московской и ленинградской. Кстати, именно из Ташкента вышла знаменитая ныне пермская школа: в свое время Тюков забрал всех детей и перевез в Пермь.

А.: В общем, раздумье было коротким — я собрал вещи и вернулся в Ташкент. И на первой же тренировке чуть не умер от нагрузки. После тренировки сидел в раздевалке и думал: может, не стоит? Но в итоге выдержал. А в сентябре 1985 года мы переехали в Пермь. Но Пермь не Москва, и когда на соревнованиях выступало шестнадцать сильнейших пар, первые восемь были из Москвы и Ленинграда,

в неделю. Уходишь со льда, а у тебя ноги стерты в кровь. Ледовая площадка была разделена на восемь частей, каждая по размеру сцены, и каждый отработывал свое. Главная сцена была перед Татьяной Анатольевной, которая вызывала всех по очереди. Мы шли с мыслью: помилует или казнит? Она буквально душу вынимала из артистов. Сначала накричит, потом тут же подбодрит и при этом всегда найдет нужные слова, чтобы заставить сделать то, что нужно. На случай, когда она была недовольна, у нее была любимая фраза: «Вы совсем декомпенсировались!» А после этого скажет: «Ну, сделайте вот так... Вот видите! Можете же!» А уж если она хвалила, то каждый понимал: значит, есть за что.

Е.: А потом мы поехали на гастроли в Европу. Продюсер, который нас возил, до этого проводил гастроли известных рок-групп. И он повез нас тем же маршрутом. И понятно, что когда мы приезжали со своим классическим балетом в такие города, как Ливерпуль и Манчестер, где люди вообще не понимают, что такое балет, и на спектакли приходило всего человек сто, то все стало разваливаться. Нам всем снизили зарплаты. Кто-то уезжал, и мы брали их роли себе. Были люди, которые играли по восемь ролей. Но становилось все хуже. И мы с Андреем поняли: надо искать что-то другое.

Шел 1995 год. В России не происходило ничего: катки были закрыты, школы не работали. И все русские поехали в Америку, потому что там принимали с распростертыми объятиями и спортсменов,

В России Елену Леонову и Андрея Хвалько узнали благодаря телепроекту «Ледниковый период»

и тренеров, бесплатно давали лед: только приезжайте, выступайте и тренируйте. Мы отправили свои записи в компанию Disney On Ice. Над новой постановкой Disney, сказкой «Покахонтас», тогда работала известный канадский хореограф Сара Кавахара. И когда она увидела нашу работу, то сразу пригласила нас на ведущие роли. Потом она нам говорила: «Вы потрясающе катаетесь в Disney, но, мне кажется, ваш потенциал гораздо больше».

Мы ехали в Америку с надеждой быстро научиться говорить по-английски. Это было ошибкой: из тридцати двух человек состава шестнадцать были русскими. Прошло совсем немного времени, и все американцы стали говорить по-русски.

А.: Вскоре мы встретили Ари Закаряна, агента многих звезд из мира фигурного катания. Мы тогда выступали недалеко от Нью-Йорка. Он пришел к нам за кулисы и сказал, что есть профессиональные соревнования, на которые можно попробовать попасть. Так в ноябре 1997 года мы оказались на турнире US Open (открытый чемпионат США. — Прим. ред.).

А уже через две недели, в декабре, поехали на первый чемпионат мира среди профессионалов. Это было грандиозное событие, которого ждали все американцы. Все было красиво, торжественно. Судьи были в вечерних платьях и смокингах. Четырнадцатитысячный зал в Вашингтоне был забит зрителями. Среди участников — элита мирового фигурного катания, олимпийские чемпионы и чемпионы мира. В тот год мы стали третьими.

Е.: Перед вторым чемпионатом мира Ирина Роднина, которая судила нас на предыдущих соревнованиях, посоветовала обратить внимание на техническую часть — подкрутки, выбросы. Мы нашли тогда Александра Зайцева и попросили с нами поработать. И вновь заняли третье место.

А вот уже в третий раз мы ехали на чемпионат мира так, словно это были наши последние выступления. Мы очень хорошо подготовились. А в день соревнований на нашей утренней тренировке неожиданно появилась Татьяна Анатольевна Тарасова (она работала тогда с Лешей Ягудиным). Она ничего не говорила — просто сидела на трибуне и смотрела. А потом подошла и указала на все ошибки, которые нужно исправить. Это было настолько неожиданно и приятно... Понимаете, в профессиональном спорте, когда ты возишь с собой тренера, ты оплачиваешь ему все: проезд, проживание, занятия. А здесь Тарасова сама пришла к нам на тренировку... Так мы выиграли наш первый чемпионат мира.

Когда нас пригласили на следующий год, я сказала: «Теперь надо доказать, что мы не случайно стали первыми». Вместе с Сашей Жулиным мы поставили «Болеро», придумали кучу новых элементов. И когда во время соревнований прозвучали последние

ФОТО из личного архива Елены Леоновой и Андрея Хвалыко

такты нашего «Болеро», все четырнадцать тысяч зрителей встали. И тогда я поняла: все, доказали! Это было очень трогательно! После этого нас стали приглашать в крупнейшие ледовые шоу, мы много ездили по Европе, выступали в Японии, объехали всю Америку.

А.: Хотелось бы рассказать о шоу Art On Ice, которое проходит в конце января — начале февраля в Швейцарии. В этом шоу фигуристы впервые стали кататься под живой звук. Идея принадлежит продюсеру Оливеру Хонеру. Позже эта концепция была адаптирована для Америки. Сейчас под живой звук фигуристы катаются и в России — в туре Ильи Авербуха поют Наташа Подольская, Сати Казанова, Света Светикова. Энергетика при этом просто потрясающая! В Art On Ice мы катались с величайшими звездами — с Монтсеррат Кабалье, Сарой Брайтман, Крисом де Бургом и многими другими. А в Америке в прошлом году работали с Backstreet Boys.

Е.: Однажды нам предстояло выступить со Scorpions. Начался прогон. Мы делаем свои элементы, а Клаус, солист группы, не может петь: «Я думал, вы будете просто кататься... Я даже текст забыл». И конечно,

Е.: У меня была мысль, что после родов я могу не вернуться на лед как фигуристка. Но меня это не пугало. Я думала, что всерьез займусь тренерской деятельностью, но, если будет возможность еще покататься, обязательно покатаюсь. И эта возможность представилась практически сразу. В марте я родила Лизу, а уже через два с половиной месяца выступала в шоу в Сан-Валлей. Потом нас снова пригласили в шоу Art On Ice и мы поняли, что заканчивать еще рановато.

А когда я забеременела второй дочкой, то у меня даже мысли не было, что я брошу кататься. Я забеременела в туре Ильи Авербуха. Лиза к тому времени уже немного подросла, и мы понимали, что пора рожать второго ребенка, если мы его хотим. Каталась я до восемнадцати недель, так же как и с первой дочкой. После рождения Анабель я быстро вошла в форму, через неделю вышла на лед, а через полтора месяца выступала как одиночница на шоу в Америке, пока Андрей был в Москве на съемках «Ледникового периода».

В нашей жизни получилось все именно так, как мы хотели. И если бы у нас сейчас не было двух дочерей, нам было бы реально скучно жить.

Я никогда такого не видел! Дайте я с вами сфотографируюсь! Я потом всем буду показывать, как он крутил тебя за ногу

когда после шоу к тебе подходит звезда такого уровня, человек-легенда и говорит: «Я никогда такого не видел! Дайте я с вами сфотографируюсь! Я потом всем буду показывать, как он крутил тебя за ногу», — это потрясающее чувство.

Замечательный человек Крис де Бург, человек-компания, который не согласился жить в другом, более дорогом отеле отдельно от фигуристов, сказав: «Я хочу жить вместе с ними, хочу гулять вместе с ними, ходить на обеды. А еще у них столько блондинок, что я просто обязан быть там!»

Мы специально ходили на репетиции Монтсеррат Кабалье, слушали, как она распевалась.

А в 2003 году в их жизни начался новый этап: родилась первая дочь Элизабет-Андреа.

А.: К тому времени мы уже выиграли все соревнования, которые хотели. Конечно, как все спортсмены, мы хотели выиграть Олимпийские игры. Но не получилось. В любом случае мы свою карьеру сделали если не блестяще, то очень хорошо. К тому времени, когда интерес к фигурному катанию в Америке пошел на спад, у нас уже было много учеников, был дом в Калифорнии, мы пять лет были женаты. И тогда мы подумали, что пора бы уже наступить следующему этапу в нашей жизни. Время идет, мы взрослеем. И мы решили: пора.

А.: Появилась другая жизнь, другие обязанности. Нам нравится смотреть, как они растут, воспитывать их, что-то вкладывать. Старшая дочь ходит на тхеквондо — у нее желтый пояс, поет в хоре и занимается с преподавателем английского языка. При этом мы оба работаем, и наши дети спокойно относятся к тому, что мама с папой иногда могут уехать на неделю.

Е.: Обеих дочерей я практически до года кормила грудью. Лизе было три месяца, когда она впервые поехала с нами на гастроли. Во время шоу, между выходами на лед, я успевала ее покормить. Когда Джеми Сале (Джеми Сале и Дэвид Пелетье, канадская пара, олимпийские чемпионы 2002 года. — Прим. ред.) увидела это, то сказала: «На что все-таки способна женщина, у которой есть ребенок!» На самом деле это было несложно — надо было просто себя организовать. Я себя и с первой дочкой организовала, и со второй. Хотя младшая с нами так не ездила. Но при этом я, уезжая на выступления каждую неделю, все равно умудрилась сохранить молоко и кормить ее так долго.

А.: Лиза объездила с нами и Америку, и Канаду, и Европу, и Японию. Сейчас она часто вспоминает какие-то моменты, а мы удивляемся: как в ее детской памяти это могло сохраниться? А тогда

совершенно неожиданно пришлось столкнуться с проблемой, которая заставила нас прочувствовать все родительские «радости». В пятнадцать месяцев Лиза заговорила на японском, потом мы вернулись в Америку, где дома она слышала русскую речь, а вне его — английскую. В итоге в ее голове перепутались все языки, и она замолчала. И молчала очень долго. Тогда мы забили тревогу. Дети не хотели играть с Лизой, потому что не могли с ней общаться. Мы стали таскать ее по врачам. В платной клинике дочери сразу наставили кучу диагнозов, сказали, что ее нужно срочно лечить и что если мы заплатим пятьсот долларов, ребенок заговорит очень быстро... Но потом мы нашли грамотного профессора, которая сказала, что все не так плохо, «просто ваш ребенок натаскался по всем континентам, и в его голове все перепуталось. Кроме того, дети должны расти среди детей, а вокруг нее одни взрослые». С нами начали работать специалисты: логопеды, дефектологи. И теперь Лиза у нас самый общительный ребенок в мире: ее невозможно остановить, она без умолку говорит на русском языке, говорит и читает по-английски.

В ее голове перепутались все языки, и Лиза замолчала. И молчала очень долго. И тогда мы забили тревогу

А.: Она до сих пор обожает, когда мы куда-то едем. Годом к пяти Лиза стала у нас профессиональным путешественником: мы заходили в самолет, она садилась в кресло, пристегивалась и тут же просила: «Принесите, пожалуйста, сок». Попила-поела, посмотрела мультики — и спать. Она ждет каждую поездку, потому что знает: будет новая обстановка, обязательно — что-нибудь интересное. Работаем мы, как правило, вечером, а в течение дня всегда придумаем, чем заняться: ходим в парки, музеи. Она побывала уже во всех Диснейлендах. Теперь и младшая ждет, когда же мы поедем отдыхать. Она видела, что мы заказываем билеты, и теперь постоянно спрашивает, скоро ли мы полетим на самолете.

Е.: Каждое лето мы проводим в Сан-Валлей — Солнечной долине. Там на протяжении всего лета по субботам проходят ледовые шоу. Это небольшая деревушка в горах, вокруг озера, лес. В основном там живут очень обеспеченные люди. Там не закрывают дома, машины. У детей там куча друзей и — самое главное — можно не бояться, если ребенок вдруг убежит: если он не вернется вовремя сам, тебе его приведут. Каждое утро мы отводим детей в дневной лагерь, а вечером забираем. Они ходят в походы, плавают в бассейне, то в пекарню идут пищу печь, то на лодках катаются, то гусей кормят, играют в теннис, гольф.

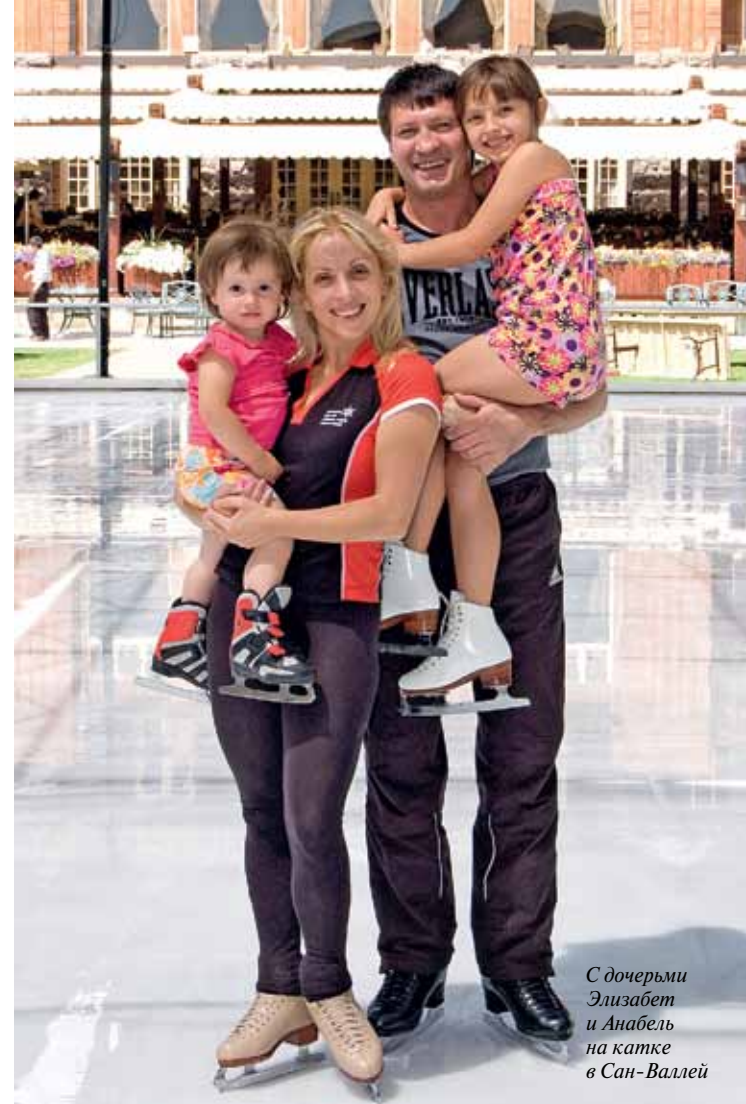
Лизе было лет пять, когда я в первый раз отвела ее туда. По-английски она тогда не говорила. Я подхожу к преподавателю и спрашиваю: «Как дочка без знания языка-то будет?» А она говорит: «Вы не волнуйтесь, девочка разберется: найдет себе место, начнет говорить. Скоро вы ребенка не узнаете». Через пять дней Лиза стала говорить на английском. Она нашла себе кучу друзей, и когда я пришла забирать ее, то увидела, что дочь там заводила, все дети вокруг нее, и они катаются на каких-то досках по всему залу. Дети развлекались по-своему, и никто им ничего не говорил. При этом за ними постоянно следят: на пятерых детей там один преподаватель. То есть ребенок никогда не будет брошенным. И все это за разумные деньги. И вообще, в Америке намного все дешевле, чем в России, особенно что касается детей. Единственное, что там дорого, — это медицина и образование. Но медицина того стоит. И образование там на уровне.

Лиза сейчас учится в первом классе русской школы и во втором классе американской. В американской школе у нее дистанционное обучение: есть преподаватель, с которым я каждый месяц общаюсь по Интернету и каждые две недели высылаю ему

задания, которые мы сделали с Лизой. Дома у нас кипа моих книжек и кипа Лизиных, по которым мы занимаемся. Сейчас она уже самостоятельно садится, делает английскую грамматику: иди, говорит, мама, я сама. В американском образовании намного меньше зубрежки. Зато детям дают большой объем познавательной информации. Там совершенно не обязательно писать красивым почерком — с прописями они начинают работать только в третьем классе, но зато математика гораздо сложнее.

Они удивительно дополняют друг друга. Зная Лену и Андрея уже несколько лет, я никогда не видела негатива в их отношениях. Они всегда вместе, всегда дружны. В спортивной среде, а уж тем более в мире шоу-бизнеса это большая редкость. Глядя на них, понимаешь: вот она, гармония отношений между мужчиной и женщиной.

Е.: Мы многому научились в Америке, потому что там существует настоящий институт семьи. Там культивируются те моральные ценности, которые важны для каждого человека. В России мы их, к сожалению, потеряли. Здесь совершенно нормально, когда состоявшийся мужчина бросает жену, с которой прожил пятнадцать-двадцать лет и которая посвятила ему всю свою жизнь. Я не исключаю такого варианта и за границей, но гораздо чаще

С дочерьми
Элизабет
и Анабель
на катке
в Сан-Валлей

ФОТО из личного архива Елены Леоновой и Андрея Хвалыко

я вижу там семьи, крепкие семьи. Когда семидесятилетний владелец крупной корпорации танцует со своей семидесятилетней женой, это воодушевляет. Они воспитали пятерых дочерей, наверняка через многое прошли, но смогли сохранить самое главное: они и сегодня наслаждаются обществом друг друга.

И еще у нас перед глазами пример родителей. Мой папа ушел из жизни рано, но они с мамой прожили вместе тридцать лет. А потом в один момент это закончилось. Родители Андрея были вместе более сорока лет. Нужно дорожить тем, что ты имеешь. Поэтому мы стремимся каждый день помнить, что мы друг у друга есть, стараемся оказывать друг другу знаки внимания. С годами у меня появляется все больше желания заботиться о своей семье — не просто постирать и приготовить поесть; все больше думаешь: как дети, как Андрей?

А.: У нас много общих интересов. Даже в туре в выходной стараемся провести время вдвоем: в кино пойдём, в театр или просто погуляем, в магазин сходим. А на отдыхе тем более стараемся провести интересно время — на гору залезть, на вулкан посмотреть, в зоопарк сходить или поехать в парк.

Е.: Мы пару лет подряд ездим в Сан-Диего и там есть лево-парк — он весь из конструктора. Мы,

в общем-то, в первый раз поехали туда из-за дочки. Но вы бы видели Андрея, который сделал себе автомат и носился с ним, как малое дитя! Мы с Лизой сели на скамейку и смотрели, как папа наслаждается игрой.

В нашей семье есть еще один важный момент: мы все делаем вместе. У нас нет разделения и таких понятий, как «не женское это дело» или «не мужское». Понятно, что сумки таскает Андрей, потому что он сильнее. Во всех остальных делах мы вполне можем друг друга заменить. У нас так сложилось, что я готовлю, а Андрей всегда помогает мыть посуду. Если я оплачиваю счета, то он в это время стирает вещи. Но, в принципе, мы можем поменяться. А еще Андрей лучше всех гладит. Во всяком случае намного лучше, чем я.

Елена и Андрей последние несколько лет большую часть времени проводят в России. Выступают в шоу, тренируют взрослых любителей, консультируют профессионалов. Где они видят себя в будущем? Может, в ряду профессиональных тренеров?

А.: Скорее всего, так оно и будет. И это — следующий шаг в нашей жизни. Поэтому сейчас стараемся набираться опыта. Фигурное катание сильно шагнуло вперед, и самое главное — не отстать. Мы не стесняемся спрашивать, учиться. Тренер — это не просто человек, который способен научить что-то делать на льду, это педагог и психолог, задача которого — создать спортсмена. Сейчас нас часто приглашают работать с фигуристами, потому что мы можем не просто научить исполнять тот или иной элемент, но и описать технику его исполнения.

Е.: Андрей умеет разложить по полочкам каждую фазу любого захода, выхода, положения, каждый шаг, поворот, загиб ребра. Для этого нужно огромное терпение, и у Андрея это получается. Он умеет не просто показать, как нужно сделать, но и объяснить, почему сделать надо так, а не иначе.

И в своих программах мы постоянно стараемся придумать что-то новое. Есть определенный набор элементов, которые мы обязательно включаем в программу, — наши фирменные выбросы, подкрутки. Некоторые элементы были придуманы еще в театре у Татьяны Анатольевны Тарасовой. Потом мы много работали над трюковой частью в Америке, брали уроки у акробатов, технически выверяли каждый элемент, потому что в нашей работе, во всех наших качалках-крутилках не должно быть сомнений «получится — не получится».

А.: За работу не должно быть стыдно. Это главный показатель профессионализма. Мы очень переживаем, если вдруг ошибаемся. Поэтому все ошибки мы четко анализируем, разбираем. И если Лена плечом чиркнула по льду, где не надо, — значит, нужно идти в зал или на лед и работать.

Елена Семикова